

Мирча Элиаде

«Аспекты мифа»

Сон и смерть

В греческой мифологии Сон и Смерть, Гипнос и Танатос — два брата-близнеца. Вспомним, что и у евреев, по крайней мере, во времена, следующие за изгнанием, смерть сравнивалась со сном. Например, сон в гробнице (Книга Иова, III 13—15 III, 17), в Шеоле (Экклез. IX, 3, IX, 10) или сразу в двух местах одновременно (Псалом LXXXVIII⁸⁷). Христиане восприняли и разработали смысловую пару смерть—сон: *in pace bene dormit, dormit in somno pacis, in pace somni in pace Domini dormias*^[1], эти слова фигурируют как самые распространенные формулы среди надгробных эпитафий.

Поскольку Гипнос является братом Танатоса, то можно понять, почему в Греции, как и в Индии и у гностиков, «пробуждение» имеет сотериологическое значение (в широком смысле слова). Сократ пробуждает своих собеседников, иногда против их воли («как ты неистов, Сократ!» — восклицает Калликлес (Г оргий 508, d), но Сократ прекрасно отдает себе отчет в том, что его миссия пробуждать сознание людей имеет божественное значение. Он не перестает напоминать, что находится на «службе» у Бога (Апология, с. 23; см. также 30e, 31a, 33c). «Афиняне, подобного мне вам трудно найти, если бы мне верили, вы сохранили бы мне жизнь. Но, может быть, в нетерпении, как люди, погруженные в сон и внезапно пробужденные, вы ударите меня, последовав совету Анитоса, и безрассудно лишите меня жизни; и потом вы будете спать в течение всей вашей жизни, если только Бог не пошлет вам другого из любви к вам» (Апол. 30e),

Остановимся на мысли, что Бог в любви своей к людям посылает им Господина, чтобы «пробудить» их от сна, который есть одновременно незнание, забвение и «смерть». Можно найти этот мотив и в гностицизме, но, конечно, в сильно переработанном виде и претерпевшим новые интерпретации. Основной гностический миф, каким нам представляет его

1 — В мире спит, спит мирным сном, да почит в мире и т. д. (лат.) — прим. перев.

«Гимн жемчужине», сохраненный в «Деяниях Фомы»^[2], разворачивается вокруг темы потери памяти и *anamnesis*-а. Принц приезжает с Востока, чтобы в Египте найти «единственную в своем роде жемчужину, находящуюся посреди моря, вокруг которого лежит змей, отпугивающий всех пронзительным свистом». В Египте он попадает в плен к местным жителям. Они ему дают отведать своих блюд, и принц теряет память и понятие о своей личности. «Я забыл, что я сын короля, и я служил их королю, я забыл о жемчужине, за которой меня послали мои родители, и под влиянием данного мне блюда впал в глубокий сон». Но родители узнали, что произошло с их сыном, и написали ему письмо. «Твой отец, король королей, и твоя мать, владычица Востока, и твой брат приветствуют тебя, наш сын! Проснись и восстань ото сна и выслушай слова нашего письма. Вспомни, что ты сын короля. Посмотри, в какое рабство ты попал. Вспомни о жемчужине, ради которой ты послан в Египет». Письмо полетело к принцу как птица, опустилось к его ногам и стало словом. «При звуке этого голоса и от шороха письма я пробудился и сон меня покинул. Я поднял его, прижал к сердцу, распечатал печать, прочитал, и слова этого письма совпали с тем, что было запечатлено в моем сердце. Я вспомнил, что я был королевских кровей, и мое благородное происхождение проявило себя. Я вспомнил о жемчужине, на поиски которой я был послан в Египет, и я стал заклинать змия, отпугивающего всех своим устрашающим свистом. С помощью заклинаний я усыпил его, произнес над ним имя моего отца и, завладев жемчужиной, отправился к отчому дому»^[3].

«Гимн Жемчужине» имеет продолжение («Светящиеся одежды», которые принц снял с себя перед отъездом и которые он вновь обрел по возвращении), но не имеет прямого отношения к нашей теме. Добавим, что тема изгнания, пленения в чужой стране, тема посланника, пробуждающего пленника ото сна и призывающего его в дорогу, встречаются в труде Сохраварди «Рассказ об изгнании на запад»^[4]. Какое бы происхождение миф ни имел, вероятнее всего иранское, одно из достоинств «Гимна

2 – «Деяния Фомы» — апокриф. Гностическая традиция образ одного из двенадцати апостолов — Фомы — обыгрывает как «близнеца» Иисуса Христа, нередко представляя Фому единственным из апостолов, кто удостоился откровения о тайном смысле учения Христа (например, Евангелие от Фомы). В основу «Деяний Фомы» положено предание, согласно которому Христос явился Фоме в видении и повелел отправиться в Индию.

3 – Лайзеганг Г. Гнозис: перевод Жана Гуяра, Париж, 1951, с. 247–248; Грант Роберт М. Гностицизм // Библиография еретических публикаций, начиная с периода раннего христианства, Нью-Йорк, 1961, с. 116; Виденгрэн Г. Иранские истоки Гнозиса // Цайтшриффтюр религионе ундгайтстесгешихте IV, 1952, с. 97–114. С.Ш.Г. Виденгрин считает, этот миф зародился в Иране, в Парфянском царстве.

4 – Корбен Г. Просвещенный человек в иранском суфизме (в коллективном сборнике «Тень и свет», Париж 1961, с. 137–257). На с. 154 имеются библиографические ссылки на предшествующие его работы.

Жемчужине» состоит в том, что он представляет нам в драматической форме несколько самых популярных гностических мотивов. Анализируя в недавно вышедшей книге чисто гностические символы и образы, Ганс Ионас настаивал на важности мотивов «падения, пленения, заброшенности, ностальгии, оцепенения, сна, опьянения»^[5]. Нет необходимости продолжать здесь этот перечень. Отметим, однако, несколько особенно примечательных примеров.

Обратившись к материальному и «горя желанием познать плотское», душа теряет понятие о самой себе. «Она забывает свое изначальное содержание, свой истинный центр, свою вечную суть». Именно в этих словах Эль Хатиби дает нам понятие о верованиях харанито^[6]. Согласно взглядам гностиков, люди не только спят, но и любят спать. «Почему любите вы всегда сон и впадаете в ошибку вместе с теми, кто ошибается?» — вопрошает Гинза^[7]. «Пусть тот, кто спит, восстанет от тяжелого сна», — написано в Апокрифе Иоанна^[8].

Тот же мотив мы находим в манихейской космогонии, какой нам ее сохранил Теодор Бархонай: «Святейший Иисус спустился к невинному Адаму и, чтобы освободить его, пробудил ото сна, подобного смерти»^[9]. «Незнание и сон могут быть выражены также словом "опьянение". "Евангелие истины" сравнивает того, кто обладает знанием высшей теологии (учением гностиков), с "человеком, который, испытав опьянение, снова становится трезвым и строгим и, придя в себя, вновь начинает утверждать то, что является его собственной сутью"»^[10]. «Гинза рассказывает, как Адам пробуждается от сна и обращает глаза к месту, изливающему свет»^[11].

С полным основанием Ионас делает вывод, что с одной стороны, в земном существовании человек неизбежно приходит к состоянию «покинутости», «страха», «ностальгии» и, с другой стороны, это существование описывается как «сон», «опьянение», «забвение»: то есть приобретает (если мы исключаем опьянение) «все черты, которые в более

5 – Ионас Ганс, Религия гностиков. Бостон, 1958, с. 62.

6 – Там же, с. 63.

7 – Цит. Ионасом, с. 70.

8 – Доресс Жан. Тайные книги египетских гностиков, т. 1. Париж, 1958, с. 227.

9 – Кюмон Ф. Исследования о манихействе: 1. Манихейская космогония по Теодору Бархонай. Брюссель 1908, с. 46; Ж. Доресс, 1, с. 235.

10 – Ионас Г., там же, с. 71.

11 – Там же, с. 74.

раннюю эпоху приписывались умершим, находящимся в подземном царстве»^[12].

Посланник, который пробуждает человека от сна, дарует ему «жизнь» и «спасение». «Я голос, пробуждающий от сна в царстве ночи», — так начинается фрагмент гностического мифа, сохраненный Ипполитом (Опровержение V,4). «Пробуждение предполагает anamnesis, обретение душой своей идентичности, познание своего небесного происхождения. После пробуждения "посланник" дает человеку обещание искупления и, наконец, наставляет его, каким образом он должен себя вести в мире»^[13]. «Стряхни опьянение, в которое ты погрузился, пробудись и смотри на меня!» — написано в манихейском тексте Турфана^[14]. И в другом тексте мы читаем: «Пробудись, прекрасная душа, от сна и опьянения, в которые ты погрузилась. (...) Следуй за мной в те возвышенные места, где ты пребывала вначале»^[15]. Манихейский текст рассказывает, как Небесный Посланник разбудил Адама и обратился к нему: «Я пришел, чтобы просветить тебя, Адам, освободить от этого мира. Обрати ко мне свой слух, внемли и победоносно вознесись в обителище Высшего Разума»^[16]. Подобное наставление понимается как приказ не впасть вновь в оцепенение сна. «Не поддавайся сну, не спи, не забывай о том, что возложил на тебя Господь»^[17].

Конечно, эти формулы присущи не только гностицизму. Послание Павла к жителям Эфеса, V, 14, содержит следующую анонимную цитату: «Посему сказано: «Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос». Мотив сна и пробуждения мы находим и в герметической литературе. В Пуамандоре мы читаем: «О Вы, рожденные на земле, вы обречены не на сон, опьяненные и забывшие Бога — возвратитесь к трезвости своего разума! Отрекийтесь от опьянения и бессмысленного сна!»^[18]

Напомним, что победа, достигнутая в борьбе со сном, продолжительное бодрствование являются типичным испытанием в период инициации. Подобные испытания встречаются уже на первобытных стадиях культуры. У некоторых австралийских племен, новичок в ходе инициации

12 – Там же, с. 68.

13 – Там же, с. 23.

14 – Там же, с. 83.

15 – Там же, с. 83.

16 – Там же, с. 84.

17 – Там же, с. 84.

18 – Corpus Hermeticum, I, 27; Г. Ионас, с. 86.

не должен спать в течение 3 дней, кроме того, им запрещено ложиться перед рассветом^[19]. Отправляясь на поиски бессмертия, месопотамский герой Гильгамеш прибывает на остров мифического предка Утнапиштин. Там он должен бодрствовать в течение шести дней и шести ночей, но ему не удалось выдержать это испытание, и он упустил свой шанс добиться бессмертия. В одной североамериканской мифе, подобной мифу об Орфее и Эвридике, мы узнаем, что человеку, потерявшему свою жену, удастся спуститься в ад и найти ее там. «Повелитель ада разрешил ему взять жену с собой на землю, но при условии, если он сможет всю ночь провести без сна. Но человек уснул как раз перед рассветом. Повелитель ада дал ему еще одну возможность, и, чтобы не уснуть ночью, человек поспал днем. Тем не менее, ему не удалось бодрствовать всю ночь до рассвета, и он был вынужден вернуться на землю один»^[20].

Как видим, бодрствование означает не только способность преодолеть физическую усталость, но это прежде всего проявление духовной силы. Оставаться «бодрствующим», это значит обладать в полной степени своим сознанием, присутствовать в мире духа. Иисус постоянно говорил своим ученикам о бодрствовании (см. например, Евангелие от Матфея, XXIV, 42). И именно неспособность учеников бодрствовать вместе с Иисусом сделала ночь в Гефсиманском саду столь трагической. «Душа моя скорбит смертельно, побудьте здесь и бодрствуйте со мною» (Матфей, XXVI, 38). Но, возвратясь, он находит их спящими и обращается к Петру: «Итак, не могли вы один час бодрствовать со мною» (XXVI, 40). «Бодрствуйте и молитесь», — вновь просит он их. Но напрасно: «И пришедъ, находит опять спящими, ибо у них глаза отяжелели» (XXVI, 41—43; см. Марк, XIV, 34, XXII, 46). И на этот раз «бодрствование инициации» оказалось выше человеческих сил.

19 – См. М. Элиаде «Рождение мистики», с. 44.

20 – См. М. Элиаде «Шаманизм и архаическая техника экстаза», с. 281.